

**ЮРИЙ
ЛОТМАН**

*В школе
поэтического слова:
Пушкин, Лермонтов,
Гоголь*

Санкт-Петербург

УДК 94(47)
ББК 63.3-7
Л 80

Юрий Лотман
В ШКОЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Copyright © The proprietor of the copyright of this work
is the Juri Lotman's Semiotics Repository of Tallinn University,
and the work is published with its permission

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-27035-0

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус"», 2024
Издательство Азбука®

Введение

Эта книга обращена к учителю-словеснику — филологу, преподающему литературу в старших классах. И в первую очередь автор обращает ее к молодому учителю, ищущему свои пути в том трудном деле, конечная цель которого — привить ученикам любовь к русской литературе, научить их понимать художественное произведение, приобщить их к высокому духовному строю подлинной культуры. Это трудное дело. Оно требует и от самого учителя напряжения сил, любви и подлинной культуры. В частности, культуры филологической. Автор сознательно подчеркивает то, что школьный преподаватель литературы — филолог.

Мы живем во время, когда многие сложившиеся и долго считавшиеся истинами представления приходится преодолевать, многие психологические стереотипы — перестраивать. Это, конечно, беспокойно и нарушает привычки, но это неотвратимо. Среди укоренившихся, но вредных представлений можно назвать идею «китайской стены», которая якобы отгораживает «высокую», «академическую», вузовскую науку о литературе от изучения литературы в школе. Сторонники этой теории более всего озабочены тем, чтобы не дать учителю (а через него и ученику) «лишнего». Литература сводится к программе по литературе, чтение произведений — к чтению «отрывков» и «выдержек», анализ — к ответам на вопросы для повторения. Стереотип влечет за собой скуку, скука убивает интерес к предмету. Культура проходит мимо...

В культуре нет и не бывает «лишнего» (нельзя быть «слишком культурным», как слишком умным или добрым). Преодоление наукобоязни — этой, к сожалению, распространенной болезни — важнейший шаг на пути к той школе, создать которую требует от нас время.

Когда-то Петр I вписал в воинский устав слова о том, что «солдат есть имя общее, знаменитое»: «Речение солдат просто содержит в себе всех людей, которые при войске суть, от высшего генерала даже и до последнего». Точно так же «учитель» — имя общее, знаменитое и содержит всех, которые при обучении суть. И все — «от высшего даже и до последнего» — филологи, суть при науке. Меняются средства, но не меняются цели.

Эта книга — не монография. Это сборник статей, сосредоточенных вокруг узловых вопросов школьного курса истории русской литературы начала XIX в. и имеющих целью расширить кругозор учителя, заставить его задуматься, по возможности стимулировать его дальнейшее чтение. Школа должна приучать людей думать, а потому она не имеет права упрощать реальный исторический процесс, сглаживать трудности, приучать к простым и бездумным ответам.

Приучить ученика понимать, чувствовать, любить литературу, — чтобы эти слова не остались пустыми, надо над ними задуматься и четко представить, что это три разные задачи. И средства для их достижения различные. Именно поэтому автор включил в настоящий сборник три типа статей. Анализ идей, лежащих в основе тех или иных художественных произведений, расширяет понимание, приучает видеть в литературном тексте акт мысли, требующий от читателя встречных интеллектуальных усилий.

Однако художественное произведение — не рифмованные прописи, а органическое создание творческого гения их автора. Его надо не только понять — им надо насладиться, пережить, перечувствовать. Ученика надо научить «художественному слуху». С этой целью в книгу

включены исследования художественной ткани, стиля. Конечная цель этого вида работы — привить чуткость к поэтическому слову.

Любовь — чувство личное. Для того чтобы ученик полюбил произведение, оно должно перестать быть безликой книгой на полке и тем более не «заданием». Читатель должен почувствовать стоящую за книгой личность автора, его судьбу, его радости и страдания, цели и надежды. Третья группа статей вводит образ человека той далекой от нас эпохи. Автор стремился дать не парадный, условный портрет, а живую личность, способную вызвать непосредственный читательский отклик.

Предлагаемый вниманию читателей сборник составлен из статей разных лет: самая ранняя была опубликована в 1962 г., самые новые — в 1985 г. Тем не менее автор надеется, что сборник представляет собой книгу, отмеченную и внутренним единством темы, и связанным развитием исследовательской мысли. Надежда эта основана на истории создания книги: она неразрывно связана с тридцатипятилетней педагогической деятельностью автора и отражает его непрерывную в течение 1950–1985 гг. работу над построением курса истории русской литературы первой трети XIX столетия. Работа эта продолжается и в настоящее время. Именно ощущение связанности развития исследовательской концепции обусловило мое решение не вносить в текст глав, которые прежде были опубликованы в качестве отдельных статей, никаких изменений. В том случае, когда (как это имело место в главе, посвященной «Капитанской дочке») высказанные автором положения вызвали полемику, читатель найдет ссылки на статьи оппонентов и сможет вынести заключение сам. Вносить свои полемические ответы в текст я считал излишним.

Курсы лекций, в ходе обдумывания которых возникли предлагаемые работы, читались студентам-русистам, будущим учителям-словесникам и учителям —

слушателям курсов повышения квалификации. Это определило сосредоточение внимания на ведущих фигурах русской литературы первой трети XIX в.: Пушкине, Лермонтове и Гоголе, а в пределах творчества этих авторов — на важнейших их произведениях: «Евгении Онегине», «Мертвых душах», «Ревизоре», «Герое нашего времени», а также на общих вопросах развития русского реализма 1820–1840-х гг.

Наблюдая за треть века изменения, которым подвергалась программа школьного изучения русской литературы, и думая о тех, которые неизбежно будут происходить в будущем (автор надеется, что учителям, которые возьмут в руки эту книгу, предстоит еще долгий срок работы в классе и что многие из них будут учить учеников в XXI в.), я пришел к убеждению, что принципиально ошибочно (а это часто делают, аргументируя соображениями «практики», в данном случае совершенно ложно понимаемой) полагать, что подготовка учителя должна строго ограничиваться ориентацией на ту или иную действующую в данное время программу. Более правильным представляется стремление вооружить учителя способностью самостоятельно и без больших для себя трудностей подготавливать материал в условиях динамического изменения программы. Для этого учитель должен иметь сведения более широкие, чем объем программного материала, и должен уметь читать делающиеся все более сложными научные книги и понимать усложняющуюся науку о литературе. Если багаж учителя-словесника по части специальной научной литературы будет ограничиваться тем, что ему пришлось прочесть в вузе, он неизбежно утратит контакт с динамикой филологической науки. Филология (и, в частности, литературоведение) в наши дни развивается стремительно, ищет новых методов анализа, обогащается фактическим материалом, впитывает в себя данные смежных наук. А процесс обогащения науки неизбежно отразится и на школьном преподавании. И наша задача — подготовить к этому учителя.

Мы живем в век научно-технической революции. Слова эти могли бы показаться банальными, если бы не отражали реальности. Однако частое повторение этих слов еще не означает понимания их смысла. Нам, конечно, трудно, даже невозможно предугадать последствия глубоких перемен, которые неизбежно последуют за научно-технической перестройкой не только производства и быта, но и самых привычных наших понятий. Но для историков и теоретиков культуры, к числу которых себя причисляет автор настоящей книги, очевидна ошибочность распространенного представления о том, что значение гуманитарных знаний в общем балансе культуры будет падать. Скорее всего, следует ожидать прямо противоположного. Развитие современной науки и техники требует не «запрограммированного» человека, а человека-творца. Неизбежным последствием научно-технической революции для школы будет рост удельного веса индивидуальной работы с учеником. А это потребует от учителя способности варьировать методы и приемы, угадывать личность ученика, потребует высокой гуманитарной культуры.

Пушкин

Этапы творчества

А. С. Пушкин — первый русский писатель бесспорно мирового значения. И более того, Пушкин — первый писатель, участвующий не только в русском, но и в мировом литературном (и шире — культурном) процессе. Как согласовать этот факт, который у всякого, кто знаком с западноевропейской и мировой культурой XIX–XX вв., интуитивно не вызывает сомнений, с не менее бесспорными данными о том, что имевшиеся в распоряжении западного читателя переводы произведений Пушкина были неполны и лишь отдаленно приближались к художественному богатству оригинала? Чувство неадекватности переводов подсказало даже Достоевскому не вполне справедливое утверждение, что Пушкин во многом непереволим. Ответ на заданный вопрос мы найдем, пожалуй, у Достоевского же. Говоря о том, что «бесспорных гениев, с бесспорным „новым словом“ во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и часть Гоголь»¹, Достоевский настаивал на том, что вся последующая великая русская литература «вышла прямо из Пушкина»². Мировое значение Пушкина связано с осознанием мирового значения созданной им литературной традиции. Пушкин проложил дорогу литературе Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова, литературе, которая по праву

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 199.

² Там же.

сделалась не только фактом русской культуры, но и важнейшим моментом духовного развития человечества. А творчество этих писателей, осмысленное в единстве, неизбежно потребовало внимания к Пушкину и проникновения в глубины его творчества. Хотя отдельные писатели (например, Мериме, Мицкевич) и раньше называли Пушкина гением и писателем мирового значения, осознание его роли за пределами России пришло ретроспективно, сквозь призму последующих судеб России и русской литературы.

Взаимодействие культур, информационный диалог между ними — закон мирового культурного развития. Типологически в этом процессе можно выделить две стадии. Сначала сторона, поставленная в силу каких-либо исторических причин в позицию наибольшей активности, становится ведущей стороной диалога: создаваемые ею культурные ценности распространяются далеко за ее географическими пределами. Партнеры по культурному диалогу выступают в роли получателей. Однако и эта позиция никогда не бывает пассивной: поступающие извне культурные импульсы почти никогда не усваиваются механически и ученически, — как правило, они сложно трансформируются, «перевариваются» культурой-получателем и стимулируют взрыв ее самобытной активности, когда она, в свою очередь, превращается в кипящий гейзер идей и текстов. Передающая же культура в этот момент часто переходит на положение получателя информации.

Так, например, римско-эллинистическое Средиземноморье выбросило в первые века нашей эры в окружающий «варварский» мир огромные богатства античной и христианской культуры. Но уже через несколько веков культурная активность перешла к периферии — от Северной Африки и Ирландии до германских и славянских земель. Средиземноморье же перешло на положение получателя. В эпоху Ренессанса культурным лиде-

ром Европы, бесспорно, была Италия: Франция, Англия, Германия, Нидерланды ориентировались на итальянскую культуру, итальянские моды, итальянское искусство и ремесло. Несколько веков французская культура накапливала импульсы, шедшие из Италии и, частично, из Испании, чтобы в XVII–XVIII вв. сделаться культурным центром Европы и распространить свое культурное влияние на весь континент.

Русская культура дважды находилась в позиции получателя, усваивающего мировой культурный опыт: в период крещения Руси и в эпоху реформ Петра I. Оба раза за этим последовал мощный взрыв национальной культуры. Именно творчество Пушкина было тем поворотным пунктом, когда «прием» сменился «передачей», русская культура сделалась ведущим голосом, к которому вынужден был прислушаться весь культурный мир. Европейская культура заметила эту смену ролей, лишь услышав Толстого, Достоевского и Чехова, но сам переворот произошел при Пушкине и в значительной мере благодаря его гению. Ибо хотя отмеченная закономерность имеет типологический и повторяющийся характер, она, как и все в истории, не происходит автоматически. Для того чтобы возможность превратилась в действительность, нужен был гений Пушкина. И как ни важен в этом случае размах таланта, дело к этому не сводится: талант Пушкина был не только огромным — он был специфическим, именно таким, который был необходим для произведения такого переворота. Кроме универсальности художественного мышления Пушкина и его способности интуитивно проникать в дух различных культур и эпох, тут, бесспорно, сыграла роль его широкая осведомленность в мировой литературе. Органически связанный с традициями отечественной культуры, Пушкин был одновременно прекрасным знатоком французской, ориентируясь в ней не хуже, чем любой французский писатель его эпохи, имел широкие

сведения в области итальянской и английской литературы, проявлял интерес к немецкой и испанской литературам. Предметом его постоянного внимания на протяжении всей жизни была античная культура. «Ориентализм» Пушкина не был поверхностной данью романтической моде, а основывался на обращении к доступному ему кругу первоисточников. Фольклор самых различных народов привлекал его внимание. Существенно при этом, что все эти интересы складывались в сознании поэта в единую концепцию мировой культуры.

Однако вся эта разносторонняя работа гения была бы бессильной, если бы ей не предшествовала другая работа мысли и искусства — начатый Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым и продолжавшийся до Радищева, Карамзина, Жуковского грандиозный труд по построению новой русской литературы как части и наследницы литературы мировой.

Творческое развитие Пушкина было стремительным. Не менее существенно, что оно было осознанным: поэт ясно ощущал рубежи своего творчества. Эти моменты, как правило, отмечены итоговыми пересмотрами написанного и созданием суммирующих сборников. Человек глубоко исторического мышления, Пушкин распространял этот взгляд и на собственное творчество. И в то же время творчество Пушкина отличается единством. Это как бы реализация некоторого органического пути. Творчество Пушкина многожанрово. И хотя в сознании читателей он был прежде всего поэт, но и проза, драматургия сопровождали его художественное воображение от первых опытов до последних страниц. А к этому следует добавить литературную критику, публицистику, эпистолярный, историческую прозу, вспомнить, сколь разнообразной была его поэзия, вмещающая и все жанры лирики, и поэмы, и роман в стихах, и сказки. Наконец, отмечалось уже, что сама биография Пушкина была в определенной мере художественным созданием, упорной реализацией творческого плана.

На разных этапах разные жанры занимали доминирующее положение, выражая ведущее направление художественной мысли Пушкина в те или иные годы. Но важно отметить, что рядом с этой доминирующей жанровой струей, с тем, что поэт предлагал читателю, у него, как правило, была скрытая лабораторная доминанта. Жанры развивались в тесном взаимодействии. Так, иногда лирика становилась лабораторией поэмы, дружеские письма — школой прозы. В определенные моменты лирика подготавливала прозу, в другие — проза становилась лабораторией лирики, драма вырабатывала взгляд на историю. В известном смысле все творчество Пушкина — единое многожанровое произведение, сюжетом которого является его творческая и человеческая судьба.

При таком соотношении жанров, их постоянной перекличке и взаимном вторжении, образовавшем как бы единый многоголосый оркестр, в принципе отменялся иерархический, ценностный подход к жанрам. Ценность того или иного жанра определялась его художественной выразительностью в рамках данного замысла, а не местом в абстрактной иерархии. Перенесение норм одного жанра в пределы другого оказывалось важным революционизирующим средством пушкинского стиля и источником его динамики. Отсюда поражавшее современников ощущение новизны и необычности пушкинского стиля. Благодаря этому же Пушкин смог отказаться от принципиального деления средств языка на «низкие» и «высокие». Это явилось существенным условием решения им важнейшей национально-культурной задачи — синтеза языковых стилей и создания нового национального литературного языка. «Осуществив своеобразный синтез основных стихий русского литературного языка, Пушкин навсегда стер границы между классическими тремя стилями XVIII в. Разрушив эту схему, Пушкин создал и санкционировал многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, спаянных темой

и содержанием. Вследствие этого открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей»¹.

Первый период творчества Пушкина (1813 — лето 1817) приходится на время ожесточенной борьбы между карамзинистами и шишковистами. Пушкин-лицеист активно включился в нее на стороне последователей Карамзина. Эпиграммы против «беседчиков», многочисленные полемические выходки в поэзии этих лет, принятие его в «Арзамас» (с кличкой Сверчок) свидетельствуют о боевой позиции в рамках этого литературного направления. О том же свидетельствует ощутимая в ряде стихотворений этого периода ориентация на поэтическую традицию Жуковского и Батюшкова. Однако одновременно целый ряд признаков литературной позиции молодого Пушкина не только несовместим с поэтикой карамзинистов, но и глубоко ей противоречит. Если даже не говорить об интересе к философской прозе в духе XVIII в. (замысел романа «Фатама»; мы, однако, слишком мало знаем о нем, чтобы делать какие-либо положительные выводы), в творчестве Пушкина этих лет отчетливо проявляется интерес к эпическим жанрам и в особенности к сатирической поэме, совершенно выпадавшей из поэтики карамзинистов. «Монах» (1813), «Бова» (1814), «Тень Баркова» и «Тень Фонвизина» (1815)² убедительно свидетельствуют о художественной ориентации, связанной с сатирической традицией XVIII в. и противоречащей субъективно-лирической установке карамзинистов. В лирике можно отметить влияние Державина («Воспоминания в Царском Селе»), Д. Давыдова («Пирующие студенты», «Наездники» и др.), Милонова и других «гражданских» поэтов 1810-х гг. («К Лицинию»). Круг западноевропей-

¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 294.

² Поэма «Руслан и Людмила» также начата в Лицее.

ских воздействий также весьма противоречив — от Вольтера до Оссиана. Стилистическому разнообразию соответствует и тематическая широта творчества начинающего поэта.

Отсутствие единства в лицейском творчестве Пушкина порой истолковывается как результат творческой незрелости еще не нашедшего своего пути поэта. В определенном смысле это справедливо. Однако следует отметить, что период собственно ученический был у Пушкина предельно кратким. Очень скоро, включаясь в различные художественные традиции и интонации, поэт достиг в каждой из них совершенства зрелых мастеров. Если в элегиях и романсах (например, «Желание» или «Певец») Пушкин выступает как зрелый соперник такого уже признанного в то время мастера, как Жуковский, то в дружеском послании («Городок») он равняется с Батюшковым. Еще более интересны опыты художественного синтеза различных традиций, позволяющие молодому поэту выступить как новатору. Так, в «Воспоминаниях в Царском Селе», бесспорно центральном произведении лицейского периода, Пушкин, синтезируя художественный опыт исторических элегий Батюшкова с державинской одой, смог добиться совершенно неожиданного идейно-художественного звучания, придав гражданственно-патриотической поэзии взволнованно-лирический пафос и личные интонации.

Второй период творчества падает на время с осени 1817 г. до весны 1820 г. Выпущенный из Лицея, Пушкин поселился в Петербурге. Этот период отмечен сближением с декабристами. Поэт постоянно встречается с Ф. Глинкой, Н. Тургеневым, Чаадаевым и испытывает сильное воздействие их идей. Пушкин вступает в тесно связанные с декабристским движением литературные общества «Зеленая лампа» и «Вольное общество любителей российской словесности». Его политическая лирика становится выразительницей идей «Союза благоденствия». Под непосредственным влиянием

Н. Тургенева создаются программные стихотворения: ода «Вольность» и «Деревня», которые широко расходятся в рукописных копиях. Именно в сфере политической лирики этих лет особенно заметны новаторство Пушкина и его поиски новых художественных решений. Попробовав в оде «Вольность» решить задачу создания актуальной политической лирики на основе традиции XVIII в., Пушкин в дальнейшем к этому опыту больше не обращался, а призыв Кюхельбекера в 1824 г. возродить оду вызвал у него ироническое отношение. Интересны попытки использовать «малые», традиционно считавшиеся маргинальными жанры и на их основе создать гражданскую поэзию, соединяющую высокий пафос с интимными интонациями. Такие опыты делаются с мадригалом («Плюсковой», «Краев чужих непотытный любитель»), дружеским посланием («лампиистский» цикл).

Особенно интересно в этом отношении послание «К Чаадаеву». Первые строки стихотворения должны активизировать в сознании читателей образы и стилистику унылой элегии. Жанр этот, активно культивировавшийся молодыми поэтами начала 1820-х гг. и самим Пушкиным, не встречал сочувствия в кругу декабристов. На фоне элегической традиции строки: «Любви, надежды, тихой славы / Недолго нежил нас обман» (II, 1, 72)¹, — воспринимались как жалоба на «преждевременную старость души», разочарование в «юных забавах». Достаточно сопоставить с ними элегию Пушкина «Я пережил свои желанья, / Я разлюбил свои мечты» (II, 1, 165), чтобы сделалось очевидным стилистическое и интонационное родство этих строк. Однако начало следующей строфы резко поворачивает течение смысла.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1959 (в дальнейшем все ссылки на это — «большое академическое» — издание в 16 томах будут приводиться в тексте с обозначением римской цифрой тома, а арабской — полутама и страницы).

Не случайно она начинается с энергического противительного «но». Разочарованной душе противопоставлена душа, полная сил и мужества. Вместе с тем фразеологическое клише «горит желанье» намекает, как кажется, и на то, что речь идет о нерастраченной силе любовного чувства (ср., например, пушкинское: «В крови горит огонь желанья»). Только с шестого стиха раскрывается, что речь идет о жажде свободы и борьбы. Третья строфа сливает образность политической и любовной лирики в напряженно-эмоциональное единство. И только после этого идут две заключительные строфы, в которых страстный порыв уступает возвышенной мечте, а напряженно-любовная фразеология сменяется образом боевого товарищества.

Новаторство это имело глубокую подоплеку. Этике «Союза благоденствия» присуща аскетическая окраска. Идеалом был герой, добровольно отказывающийся от личного счастья ради счастья родины. С этих позиций осуждалась и любовная лирика, расслабляющая и уводящая от сурового героизма: «Любовь никак нейдет на ум: / Увы! моя отчизна страждет» (Рылеев). В. Ф. Раевский, уже узник Тираспольской крепости, призывал Пушкина: «Оставь другим певцам любовь! / Любовь ли петь, где брызжет кровь...» В том же направлении влиял на Пушкина и Н. Тургенев. Под его воздействием Пушкин начал оду «Вольность» демонстративным изгнанием богини любви и призывом «разбить изнеженную лиру» (ср. аналогичное начало «Негодования» Вяземского). Однако в целом позиция Пушкина была более сложной. В стихотворении «Краев чужих неопытный любитель» Пушкин поставил рядом как два сопоставимых высоких идеала гражданина «с душою благородной, / Возвышенной и пламенно свободной» и женщину «не с холодной красотой, / Но с пламенной, пленительной, живой» (II, 1, 43). Параллелизм «пламенно свободная душа» и «пламенная красота» еще резче подчеркивает, что в глазах поэта любовь не противоречит

свободе, а является как бы ее синонимом. Свобода включает счастье и расцвет, а не самоограничение личности. Поэтому для Пушкина политическая и любовная лирика не противостояли друг другу, а сливались в общем порыве свободолюбия.

Главным созданием этого периода была поэма «Руслан и Людмила». Работа над ней закончилась лишь весной-летом 1820 г. Отдельное издание вышло, когда автор был уже на юге (позже во второе издание, которое появилось в 1828 г., внесены существенные изменения, в частности вступление «У лукоморья дуб зеленый...»). Поэма имела большой читательский успех, но критика в основном оценила ее сдержанно. Несмотря на похвальный отзыв Жуковского, старшие карамзинисты поэму не одобрили: Карамзин снисходительно назвал ее «поэмкой», а Дмитриев отозвался о ней как о неприличной. Инспирированный Дмитриевым Воейков предал этот отзыв печати, подвергнув поэму пристрастной и придиричливой критике. Основываясь на этом и на полемических выходках против Жуковского в начале четвертой песни поэмы, Ю. Н. Тынянов увидел в «Руслане и Людмиле» признаки сближения Пушкина с Катениным и «архаистами». Однако, как показал Б. В. Томашевский, отношение Катенина к «Руслану и Людмиле» тоже было отрицательным (см. рецензию Д. П. Зыкова, фактически — Катенина, в «Сыне Отечества»). Критически оценили поэму представители литературной реакции (А. Г. Глаголев в «Вестнике Европы»). Но и декабрист, член «Союза благоденствия» Н. И. Кутузов, выражая мнение своих политических единомышленников, осудил поэму за недостаток «возвышенных чувств». При этом он повторил обвинение поэмы в безнравственности, дословно совпав с критиками совсем иных политических убеждений. Дмитриев отозвался о поэме словами: «Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность», а Кутузов: «Пожалеем, что перо

Лотман Ю.

Л 80 В школе поэтического слова : Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Юрий Лотман. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-27035-0

Юрий Михайлович Лотман — всемирно известный ученый, филолог и культуролог, труды которого переведены на основные европейские языки. Его наследие чрезвычайно обширно и насчитывает около восьмисот научных и научно-популярных статей и книг. Сборник «В школе поэтического слова» (1988), предлагаемый вниманию читателей, отражает многолетнюю работу автора над курсом истории русской литературы первой половины XIX века. В основу книги легли лекции, которые Ю. М. Лотман на протяжении многих лет читал студентам-русистам. Внимание автора сосредоточено на ведущих фигурах русской литературы: Пушкине, Лермонтове и Гоголе, а также их важнейших произведениях. Научить читателя понимать, чувствовать и любить литературу — три главные задачи, которые, по мысли Лотмана, должен ставить перед собой учитель словесности. Эти задачи определили три типа статей, включенных в сборник. Помимо глубокого анализа идей и исследования художественной ткани произведения, его стиля, Лотман стремится дать сложный, живой, «не парадный» портрет автора, способный вызвать душевный отклик читателя, чтобы тот мог почувствовать стоящую за книгой личность писателя, «его судьбу, его радости и страдания».

УДК 94(47)

ББК 63.3-7

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОТМАН
В ШКОЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА:
ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ, ГОГОЛЬ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Наталья Бобкова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.10.2024.
Формат издания 76 × 100 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NFA-36036-01-R